

Василь Быков — характеры и обстоятельства

Моск. правда, 1998, — 24 нояб. — С. 5

Если бы мне предложили охарактеризовать прозу Василя Быкова одним словом, я бы сказал: определенность. Все повести его устремлены к единой и общей цели. Они бьют в нее, как пули классного стрелка в «яблочко» мишени. Разброса почти нет — повесть перекликается с повестью, словно накладывается одна на другую...

Они — существеннейшее звено так называемой «второй волны» военной прозы, связанной в нашем сознании с именами Юрия Бондарева, Константина Воробьева, Юрия Гончарова, Григория Бакланова, Владимира Богомолова, Виктора Астафьева и многих других... Всем этим писателям свойственно стремление дать своих героев крупным планом, акцентировав внимание на их психологической глубине и неоднозначности. Определяются корни человеческого поведения в условиях и при законах войны — путь к подвигу и личностная, внутренняя его обеспеченность. Пытаясь ответить на вопрос, почему на войне одни оказались сильными и внутренне прекрасными, а другие — духовно слабы и несостоятельны, писатели эти обязательно выходили к самому «ядру» человека, к основе его сути и характера... Тот же «почерк» и у прозы Василя Быкова.

Уже первые его повести, «Журавлинный крик», «Фронтальная страница» и «Третья ракета», сказали читателю, что в отечественной военной прозе (тогда еще общей, без пограничных кордонов!) появилось новое и яркое имя. В них явственно присутствовало то, без чего подлинный и самобытный писатель немислим, невозможен. Была и осязаемо звала к сознанию и чувству современника личностная авторская позиция. Быков утверждал, что героизм, доблестное и стойкое поведение на полях сражений определены, замешаны на внутреннем человеческом «я», на воззрениях и принципах людей, «шкале» их взаимоотношений с миром... Разговор шел о личном моральном кодексе человека.

В повестях этих перед каждым героем, поглощенным гигантским и неумолимым омутой войны, вставал вдруг свой гражданский и солдатский долг, свой социально-нравственный выбор. Он отделял силу и стойкость от слабости и шкурничества, прекрасное и высокое — от низкого и гнусного... Многозначительная триада, сформулированная одним из героев «Третьей ракеты». На войне человек словно сбрасывает с себя все наносное — «остаётся только его сущность — вера, совесть, человечность».

«Кто чреват предательством — предаст», — утверждали эти повести... Быков резко обозначил в них контуры того, что впоследствии будет исследовать его проза. Результат словно опередил анализ: мы видели готовые, сформировавшиеся кристаллы характеров, а вот последовательное проследование роста их граней было еще впереди.

Оно последовательно, «наследующее» проходило у Быкова через повести «Атака с ходу» и «Круглянский мост»... В первой из них был явно неоднозначен, открываясь постепенно, характер Гриневича; во второй внутренне рос и мужал на наших глазах юный партизан Степка Толкач. Мы видим в повести «дистанцию», которую герой проходит. В ней есть первичная данность, есть финал и само «прохождение» — углубление сознания героя, определение им собственных принципов и представлений...

Рост и мужание характера. В конце повести Степка отнюдь не тот импульсивно действующий подросток, которого мы видели на первых ее страницах, — история у Круглянского моста глубоко перепахла и закалила его душу, сознание и совесть.

«Сотников», одна из лучших вещей Быкова... Повесть напоминала разделенный лист, на котором Сотников и Рыбак, два главных ее героя, было выделено по «колонке». Они все время сопоставлялись, сравнивались, и это предельно внимательное, внутренне очень точное сличение составляло саму суть и прин-

цип избранного автором повествования.

Можно взять любой момент, произвольно выбрав его из той части повести, где партизаны уже в плену, и мы увидим, что внутренний мир Сотникова, его духовное «я» везде абсолютно свободно. Изоляция плена тут не властна — чувство нервущей связи героя с «людьми и страной» разрушает ее... Рыбак же, в силу особенностей своего сознания, вовсе лишен такого преимущественства. «Взамен» он владеет одним животным страхом за собственную жизнь — отдельную, ни с кем и ни с чем не связанную, опустошительно одинокую.

Отсутствие акцентированного «злодейства» в герое (вспомним, например, Сахно из «Мертвым не больно»), обычность, «заземленность» Рыбака еще резче подчеркивают мысль о безмерности душевных усилий, необходимых для проявления Сотникова в Сотникове. Ведь и в нем, как в каждом человеке, есть свой Рыбак... Есть плоть, обычная, небезгрешная, страдающая от боли и уж, конечно, тоже боящаяся смерти, желающая жить. Но... Есть кое-что посущественнее, весомее. Есть «какие-то

Герой совершает в повести то, чего не совершить не может. Перед нами вновь категоричность, непреклонность личностного социального и нравственного императива, заставляющая поступать только так и никак иначе, рожденная чувством связи с окружающими... «Волчья стая», рассказывающая о противоборстве человеческого с античеловеческим, антигуманистическим, выходит к естественному и очень существенному финалу — **становлению личности**, обогащению и закалке ее характера, сумевшего встать выше сил обстоятельств... К росту цельного и неподатливого на излом кристалла.

Брать ответственность на себя, а не прятаться за чужие спины... Эта дорогая для Быкова мысль прозвучала и в повести «Его батальон». Пожалуй, до нее среди произведений этого писателя еще не было такого, столь подробно говорящего о рядовом и основном участнике войны — обычном пехотинце. «Его батальон» явно стремится вобрать в свой текст если не все из этой судьбы, то, по крайней мере, главное. Повествование, как почти и всегда у Василя Быкова, очень непротяженно во времени (менее суток),

но охватывает узловые, предельно важные для жизни и судьбы солдата моменты. Среди них — подготовка к атаке, тревожное, напряженное ожидание ее и кровавая, страшная вспышка боя, за которым — с трудом вырванная победа, взятая высота и вместительная братская могила на ее склонах.

В «Его батальоне» война стала основой, внутренним средоточием произведения, вобрав в себя «всю необъятность солдатского лиха...». Повесть недаром носит такое название — в ее тексте подчеркнута стерта грань между воинским подразделением, доверенным Волошину под начало, и тем, без чего он просто не мыслит своего человеческого существования: «... его батальон давно уж был его домом, его крепостью и пристанищем — другого для себя пристанища на войне он не знал». Двойная расшифровка слов «его батальон» делается ядром идеи повести — в ней невозможно отделить «ролевое» в поведении и поступках Волошина (положение командира) от внутренней сути героя.

Налицо слияние ролевого и личностного. Именно оно, по сквозной для творчества Василя Быкова мысли, способно обеспечить и поддержать стойкость человеческого духа, определяя, подготавливая почву для выбора, поступка, подвига... Этим слиянием были сильны, непобедимы защитники железнодорожного переезда в «Журавлином крике», Тимошкин во «Фронтальной странице», Желтый и Лозняк в «Третьей ракете», Сотников в одноименной повести, Мороз в «Обелиске», Ивановский в «Дожить до рассвета».

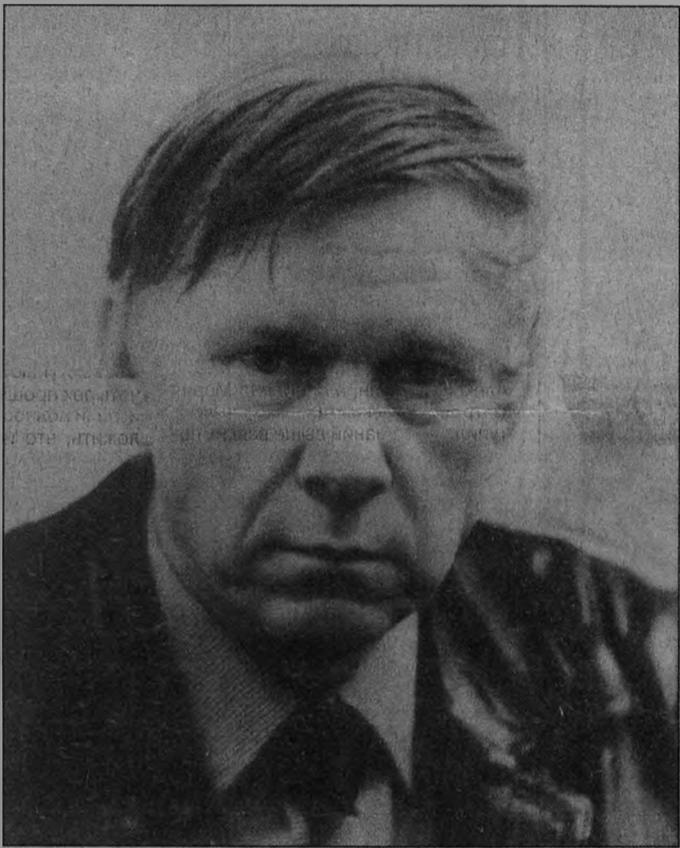
Им же силен и Волошин из «Его батальона»... «Он не мог так просто и вдруг выбросить из своей души эту сотню людей. Только с ними он мог оставаться собой, командиром и человеком, без них он терял в себе все» (подчеркнуто мной. — И.Ш.).

На последней странице повести мы видим «справку из архива», в которой сказано, что «Герой Советского Союза майор Волошин Николай Иванович убит 24 марта 1945 года» в Восточной Пруссии... Не заключается ли в этих немногословных и по-официальному сухих строчках кульминационность судьбы Волошина, дошедшего почти до конца войны, освободившего свою землю и многие другие от страшного ига фашизма, умерев за это?

Жизнь и смерть Волошина продолжает судьбу и подвиг всех прошедших перед нами лучших, любимейших героев повестей Василя Быкова... Они, защищая независимость и будущее Родины, отстаивали тем самым свободную и гордую красоту своего человеческого «я», его стойкость и целостность.

Ведь кристалл — нерасчленим... его можно раздробить, уничтожить, но развязать — нельзя.

Игорь ШТОКМАН.

принципы», столь чуждые и совершенно непонятные Рыбаку.

Пшеничные, овсеевы, блишинские, задорожные, шпаки из предшествующих «Сотникову» повестей получили в Рыбаке убийственно полное внутреннее раскрытие... Облик их, резко, но скорее лишь контурно очерченный ранее, достигал в «Сотникове» психологической объемности, плотности и, значит, наивысшей доказательности. Эта доказательность была беспорна и страшна. На глазах читателя совершалось не перерождение, нет, поскольку Рыбак изначально чреват предательством, можно сказать, обречен на него. Обстоятельства лишь обнажали суть его личности, скрытую до поры, как тайная болезнь, поражающая насмерть...

Всем без исключения «антигероям» прозы Василя Быкова, включая и Рыбака, просто не за что платить собственной жизнью. В этих жалких и страшных судьбах нет высшего социального и духовного слияния отдельного бытия с миром, окружающими людьми, а потому нет и «звездного часа». Он есть у других и подлинных героев этого писателя — у сельского учителя Мороза, глубоко штатского, не военного человека («Обелиск»); у лейтенанта Ивановского из «Дожить до рассвета». «Долг командира и человека» определяет его выбор и смерть, в которой нет жертвенности, а есть святое исполнение своего последнего воинского долга...

Василь Быков, при свойственном ему внимании к общественной сущности биографии человека, понимаемой как жизнь личности в истории страны, часто выходит к выявлению связи поколений, к «сцепленности» и взаимовлиянию людских судеб. Этот аспект был осязаем и в «Журавлином крике», и во «Фронтальной странице», в «Мертвым не больно», в «Обелиске», в «Дожить до рассвета»... И он же очень ярко, намеренно заостренно прозвучал в «Волчьей стае».

Жизнь, судьба ребенка, рожденного партизанской радисткой в грозное военное время, полноту и прямо зависела от поступков и действий Левчука, главного героя этой повести. Левчук, можно сказать, даровал ему будущее, выпустил в послевоенную жизнь, вынес «малого» из туго сжатого кольца карателей.